

2. Политические и идеологические преимущества

Для проведения своей линии Столыпин умело воспользовался экономическими и политическими «козырями», находящимися в его руках.

В Третьей Думе, прозванной «господской», так как она была избрана на неравноправной основе (курия помещиков и первая городская курия, то есть менее 1% населения, объединяли 65% избирателей), значительное большинство правых, «правительственный блок» (225 депутатов от националистов и октябристов), противостояло ослабленной новой избирательной системой оппозиции (52 кадеты, 26 депутатов

от национальных меньшинств, 14 трудовиков и 14 социал-демократов). Вплоть до 1909 г. благодаря позиции октябристов отношения между правительством и Думой оставались хорошими. Партия октябристов была одной из ведущих в Думе. Ее возглавил А.Гучков, внук крепостного крестьянина, разбогатевшего на производстве тканей. Начиная с 1909 г.»взаимоотношения между Гучковым и Столыпиным ухудшились, камнем преткновения явился в особенности вопрос о военных расходах страны, которые Гучков стремился поставить под непосредственный контроль Думы. Но к тому времени на волне национализма в деловых кругах часть октябристов, представлявших интересы русской буржуазии, пошла на сближение с властями, и в 1909 г. партия раскололась. Часть депутатов объединилась с представителями правых националистических кругов умеренного толка, образовав новую группировку — Партию русских националистов, которую возглавил П.Балашов. Эта группировка впоследствии превратилась в «законодательный центр» Третьей Думы. На него вплоть до 1911 г. опирался Столыпин. Националистический угар за эти годы распространился и на более левые круги. Разумеется, кадеты оспаривали антисемитские, ксенофобные лозунги крайних правых, тем не менее их, несомненно, притягивала идеология национализма, которая в то время в России, как и в других странах Европы, представляла собой альтернативу социализму. Социалистическая идеология в России теряла популярность.

Столыпин использовал в своих целях как раздробленность революционной оппозиции, так и отсутствие согласия среди радикально настроенной интеллигенции. Если в 1905 г. обстоятельства вынудили революционеров разных взглядов сплотиться, то после поражения революции разнородность движения ослабила его и расколола. Многим революционерам пришлось вновь эмигрировать. Надежда Крупская хорошо описала образ мышления эмигрантов-революционеров, считавших себя гражданами некоей собственной республики. Потеряв дом, семью, родину, они подчинялись только своим собственным законам, особому кодексу чести революционеров, ритуалу своих собраний. Между ними существовала строгая иерархия, с собственными ренегатами и отщепенцами, и каждый из них действовал в соответствии с той идеологией, которую он исповедовал.

1907—1911 гг. стали годами спада революционного движения. Разрешенные с марта 1906 г. профсоюзы сократились с 250 тыс. членов в 1907 г. до 12 тыс. в 1910 г.; число бастующих рабочих снизилось до 50 тыс. В партии социалистов произошел окончательный раскол из-за полярности выводов, сделанных каждой фракцией социал-демократов из поражения революции 1905—1907 гг. Меньшевики, проанализировав провал московского восстания в декабре 1905 г., пришли к мнению, что Россия еще не созрела для социальной революции. Пока следовало предоставить инициативу буржуазии, помочь ей свергнуть царский режим, а главное — не спугнуть ее начинаний. Большевики же на опыте революции 1905—1907 гг. пересмотрели свою революционную тактику и предложили новый план действий, более приемлемый для специфических условий России, как подтвердило будущее. Большевики считали, что слишком рискованно доверять буржуазии руководство будущей революцией, — как показал провал либерального движения, у буржуазии нет ни сил, ни подлинного желания уничтожить самодержавие и осуществить коренные социальные перемены. Только рабочий класс в союзе с крестьянской беднотой, следуя за авангардом профессиональных революционеров, сможет принудить буржуазию осуществить новую революцию, в которой Советы сыграют важную роль — не только организуют пролетариат и защитят его от буржуазии (как того желали меньшевики), но станут своего рода прообразом революционной диктатуры пролетариата. Приобретала конкретные черты мысль об ускоренном переходе к следующему революционному этапу — к демократической революции, воплощенной и поддержанной Советами.

Однако на данном этапе шла междоусобная борьба различных тенденций, а конструктивных действий было мало. На IV (Стокгольм, апрель 1906 г.) и V (Лондон, май 1907 г.) съездах партии сохранилось лишь внешнее ее единство. Полемика разгорелась с особой силой по вопросу об экспроприациях, осуществленных подпольными большевистскими отрядами. Самая известная из этих акций была проведена 13 июня 1907 г. Тер-Петросяном, соратником Сталина. Он изъял из Государственного банка в Тифлисе 340 тыс. руб. Меньшевики и часть большевиков выступили против подоб-

ных действий. Ленин же отказался от осуждения этих «партизанских действий» и на V партийной конференции, состоявшейся в Париже в декабре 1908 г., резко обрушился на меньшевиков, обвинив их в желании «ликвидировать» подпольные организации и ограничиться только легальной деятельностью. Все эти годы большевикам пришлось бороться с возникшей в рабочей среде тенденцией, которую Ленин охарактеризовал как «ликвидаторскую», ставящей своей целью создание легального демократического рабочего движения по образцу западных стран, очень далекого от той подпольной боевой организации, какой была партия большевиков. Лучшим союзником Ленина в его борьбе с «ликвидаторами» стало само правительство, с его бескомпромиссностью и полным отсутствием какой-либо социальной политики, направленной на улучшение жизни рабочих. Ленину пришлось бороться и с многочисленными внутривнутрипартийными фракциями. Споры разгорались по всякому поводу: по вопросам теории, методов революционной борьбы, руководства газетами, распоряжения денежными фондами. Фракции разделились следующим образом: с одной стороны — соглашатели (во главе с Рыковым), склонявшиеся в пользу общих действий с меньшевиками, с другой — отзовисты, требовавшие отзыва депутатов социал-демократической партии, так как считали всякую парламентскую деятельность предательством по отношению к народу. Ленин боролся с ними, называя их «ликвидаторами наизнанку».

Партия эсеров, несмотря на все усилия Чернова, тоже находилась в состоянии распада. Группа максималистов, сторонников немедленного осуществления всех пунктов программы эсеров сразу же после захвата власти, тяготела к бывшему терроризму и действовала боевыми организациями. Хотя формально эти отряды состояли в партии, они, по сути дела, уже не подчинялись ей. В них легко проникали агенты царской охранки, самым известным из которых стал Азеф, организатор убийства Плеве и великого князя Сергея. Он успел занять ответственный пост в партии, прежде чем был разоблачен в 1908 г. Дело Азефа окончательно дискредитировало террористическое движение в эсеровской партии. Противоположное крыло эсеров представляли трудовики. Они по-прежнему участвовали в работе Думы, обсуждали земельную реформу, вели среди крестьян легальную пропаганду в защиту обобществления земли.

В то время как революционные группировки дробились в поисках своих путей, философские течения, которые десятки лет владели умами русской левой интеллигенции, такие, как позитивизм, материализм, социалистический марксизм, переживали закат. С новой силой возродилась наметившаяся еще в 1903 — 1904 гг. склонность к национализму, мистицизму, эстетике «чистого» искусства, тогда как интерес к политике и социальным проблемам падал. Ярким примером этого отказа подчинять любое занятие искусством или интеллектуальной деятельностью социальному утилитаризму или политике стало появление сборника «Вехи», вызвавшее широкий отклик и страстные обсуждения. Создателями его стали семь видных интеллигентов, в основном бывших марксистов, пришедших или вернувшихся к вере (П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.). Бердяеву, в частности, принадлежит одна из ключевых мыслей сборника: «Любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине». В то время как Бердяев изобличал «внутреннее рабство» русской интеллигенции, Струве обрушивался на ее безответственность. Интеллигенция во всех бедах России обвиняет правительство, писал он, как будто она сама не несет никакой вины за них и они касаются ее лишь в той мере, что вынуждают бунтовать против правительства. При такой позиции, заключал свою мысль Струве, обществу предоставляются только две возможности — деспотизм или диктатура толпы.

Десятилетие с 1905 по 1914 г. было отмечено небывалым расцветом искусства, литературы и философии. Достаточно вспомнить о колоссальном всемирном успехе русского балета Дягилева, достижениях русского авангарда как в области музыки (Стравинский), так и в области живописи (Кандинский, Малевич, Ларионов), о расцвете поэзии в творчестве символистов (Белый, Блок), акмеистов (Гумилев) или футуристов (Маяковский). Революционеры с осуждением отнеслись к этому расцвету, шедшему вразрез с социалистическими идеалами 1890-х гг. Максим Горький, например, хотя и сам отдавал дань мистическим тенденциям (1910 г.), назвал эти годы «позорным десятилетием». Отказ от позитивизма и служения социальным идеалам, к

чему была склонна радикальная интеллигенция XIX в., не мешал, однако, отрицанию буржуазных ценностей и материальных благ и подчеркнутому презрению интеллигентов к режиму, который их превозносил. Часть творческой элиты с нетерпением и тревогой ждала последнего часа «буржуазной цивилизации». Во многих просвещенных кругах столицы говорили о грядущем «конце света». Ожидали апокалипсиса — как в религиозном смысле, так и в политическом. Этим апокалипсисом должна была стать революция, которая откроет новую эру, предоставит лучшим умам возможность реализовать свои замыслы в обновленном обществе, вышедшем из горнила революции. Пока же в Санкт-Петербурге царила вседозволенность. Столица стала самым «современным» и, безусловно, самым свободным из европейских городов того времени. Парадоксально, но бурление новаторских идей в художественной и интеллектуальной жизни, увлечение эсхатологией и моральный эклектизм — все это, вместе взятое, скорее нарушало былое равновесие образованных кругов общества, нежели способствовало появлению новых незыблемых духовных ценностей, цельных философских теорий и общей системы принципов, которыми можно было бы впоследствии руководствоваться в социальной и политической жизни.